Экспорт из национального архива НЛО Украины - UFOBUA
Фильтр экспорта - уникальный номер (198-F)
Дата экспорта: 09/05/2024

Идентификатор: 198
Область: Харьковская
Дата события: 06.06.1989
Категория: Контакт 3-рода
Форма НЛО:
Описание: Я, Рыбченко Иван Артемьевич, 6 июня 1989 года был похищен летающей тарелкой и долгое время находился на ее борту, перебрасываемый с одной планеты на другую в целях мне не понятных, возможно, для попытки установления контактов с землянами или для другого, о чем я не знаю. Я пытался по телефону заинтересовать своим рассказом "ученых" из АН СССР, но ничего кроме насмешек не добился. Из этого я сделал вывод о безнадежности решения моей проблемы на официальном уровне.
...Было, наверное, часов десять или около одиннадцати вечера, погода была нормальная. Я ехал по Белгородскому шоссе, и я только что проехал поворот на улицу Деревянко на Павлово поле. Район этот не жилой, только заводы, и потому в это время суток в общем-то безлюдный.
Когда я проехал поворот, я увидал впереди яркое светящееся пятно, спускавшееся сверху на дорогу. Я даже ничего не успел подумать, только дал по тормозам и остановился справа у дороги, рассчитывая переждать. Но свечение впереди не только не ослабевало, даже наоборот, оно словно бы оседлало всю проезжую часть. Я подумал, может, там чего горит и вышел из "Жигулей" посмотреть. Когда я вышел, то сразу передо мною раскрылась как бы дверь или ворота. Я даже не мог рассмотреть, что там такое, потому что смотреть приходилось против яркого света (я думаю, свет этот был специально, чтобы нельзя было рассмотреть). И тут меня словно что-то внесло в эту дверь или ворота, не знаю, как правильнее их назвать.
Я оказался внутри совершенно темного помещения. Пока я пытался сообразить, где я и куда попал, я почувствовал, как пол подо мной качнулся. Стараясь удержать равновесие, я расставил в стороны руки, но пол больше не качался. Я не знал, как мне быть. Я боялся сойти с места потому, что не знал, куда идти и что будет, если я шагну. Почему-то мне показалось, что я стою на краю огромной пропасти и, если я пойду вперед, то упаду вниз и сверну себе шею. о только я так подумал, как понял, что совершенно точно знаю, куда мне надо идти. И я пошел вперед легко и уверенно, будто бы я у себя в квартире, а не черт знает где. И я тогда еще заметил, и это было все время потом, что я оставался на тарелке (хотя они ее называют, понятно, совсем иначе), что стоит мне о чем-то задуматься или только приготовиться подумать, как готовый ответ появляется у меня в мозгу, и это не ответ даже, а так, словно я это всегда знал и просто вдруг вспоминаю целиком - не знаю, понятно ли я это описываю. Вы поймете меня, если представите, что ответ у вас появляется еще до того, как вы собираетесь задать вопрос. Вот вы смотрите на какую-то вещь и точно знаете, что видите ее впервые, но раз только вы на нее посмотрели и вы тут же уже точно знаете, что она и зачем.
Очень часто, однако, бывало, что я сам не понимал и сейчас не понимаю много из того, что знал. Я сначала удивлялся, как это может быть, а потом подумал - вот, допустим, второклассник или первоклассник даже возьмет и выучит наизусть вопросы из билетов по физике для десятого класса и к каждому вопросу зазубрит ответ. Он, конечно, на каждый вопрос будет знать ответ и сможет на экзамене и где хочешь ответить, но понимать физику он же все равно не будет. Знать формулу Ньютона, он, допустим, будет, и напишет ее без запинки, но понять он же ничего в ней не поймет. Очевидно, что-то похожее и со мной было, потому что я и сейчас могу рассказать очень многое, но

смысла все равно не понимаю.
Я пошел в другую комнату, а пока я туда пришел, то уже точно знал, что нахожусь на летательном аппарате представителей цивилизации планеты, которую они называют словом, близким к слову "лыыамма", но не такое. Я понял, что меня похитили, но мне сказали, что ничего изменить уже нельзя и что ничего плохого мне не будет и я вернусь через какое-то время обратно на землю. Никто, конечно, мне ничего не говорил, просто я это вдруг понял, как и все остальное. Тех, кто это сделал, я так ни разу и не видел, но я знаю, что их оболочки простираются в нескольких измерениях, как и они.
В первую минуту я начал кричать, чтобы меня выпустили, и бить руками и ногами по стенам комнаты. о потом мне сказали, кто, я не знаю, чтобы я успокоился. И я сразу почувствовал, что нет никакой необходимости так себя вести. Я сел. Это был первый раз, когда со мной разговаривали.
Я забыл сказать, что не на все вопросы я получал ответ. Сначала я не понимал этого и повторял эти вопросы снова и снова, пока не сообразил, что раз я не получаю ответа, то это потому, что мне нельзя давать ответ или они просто не хотят. Сначала меня это раздражало, а потом я привык и не задавал вопросов, на которые не получал ответов сразу.
Я, например, понял, что не надо спрашивать, зачем они прилетели, какие их планы и все остальное, что с этим связано. И я подумал, что было бы очень странно, если бы они стали все это мне рассказывать, словно они меня забрали к себе именно ради этого. Я очень волновался, как скажется мое отсутствие на работе - я понимал, что в месяц наше путешествие не окончится, а что нас ждет именно путешествие, это я понял, - и еще меня волновали домашние. о эти, на тарелке, сказали, что все будет сделано так, что никто ни на секунду не заметит о моем отсутствии. Я немного успокоился.
Я находился в чем-то напоминающем большой мешок, вернее, большую просторную коробку, обтянутую изнутри мягким материалом, похожим на ощупь на кожу, но не кожей, конечно. В этой коробке находился я. Здесь не было никаких источников освещения, тем не менее было светло. Причем стоило мне подумать, что эта моя комната маловата - она действительно была низкой, чуть выше моего роста, и узкой, два шага от стены до стены, и мне там было очень неуютно - и я подумал об этом, и комната сразу сделалась просторнее, так что я мог и лечь, и встать с поднятыми над головой руками.
Сначала я пытался найти на стенах или полу хоть какие-нибудь швы или стыки в материале, которым была выстлана моя комната, но напрасно. Я не все понял, но мне показалось, что она не построена, а выращена, как одно целое, из какой-то клетки зародыша, и весь корабль так же. Я захотел осмотреть корабль. И тут оказалось, что моя комната перемещается вместе со мной. Не как автобус или какой-то другой вид транспорта, где не надо двигаться. Я стоял, и она стояла. Но когда я начинал идти в какую-то сторону, то комната как бы катилась вместе со мной, и материал стены быстро перетекал на пол, а за моей спиной так же быстро перетекал на стену опять, так, что получалось что-то вроде белки в колесе. И я не знал, кажется мне или я правда передвигаюсь по кораблю, но только ни увидеть ничего или разведать мне не удалось.
Я шел довольно долго, но сколько именно, сказать невозможно, потому что часы на руке у меня остановились в тот самый момент, когда я попал на корабль, и с той минуты не шли, как я ни старался их запустить. То есть я понимал уже, что это не случайно, но все равно несколько раз пробовал. Когда я устал, я опустился на пол, который немедленно остановился. И сразу заснул.
Через какое-то время (мне вообще очень трудно указывать продолжительность разных событий, потому что полагаться приходится только на ощущения, а они, конечно, ошибались) я проснулся от очень неприятного, даже болезненного ощущения в левой руке. Мне казалось, что кто-то изнутри перебирает все мои мышцы, сухожилия и кости, трогает их, тянет и раскачивает. Когда я так

подумал, боль сразу стихла, но само ощущение осталось. Я понял, что мы прилетели на какую-то промежуточную планету, где у них научная база или что-то наподобие этого, и они меня начали обследовать. Обследование длилось довольно долго и продвигалось медленно, потому, что они обследовали каждый мой орган очень обстоятельно. Я беспокоился, что это обследование повредит камню у меня в мочевом пузыре, и я пережил несколько неприятных моментов, когда обследование дошло до этого органа, но все обошлось. Было не очень-то приятно, но выбора у меня все равно не было, и я терпел.
Потом я увидел поверхность планеты, на которой в тот момент мы находились. Это была совершенно безжизненная планета у остывающей маленькой звезды, не имеющей названия на Земле, потому что она не занесена из-за своей ничтожности ни на какие звездные атласы. Абсолютно голые серо-черные камни и больше ничего, если не считать огромных, уходящих за горизонт сетчатых конструкций, как будто бы прямо в воздухе была раскинута огромная рыбацкая сеть и так и осталась висеть, не опираясь ни на что видимое. Вся эта многокилометровая (а я не сомневался, что тут счет пошел бы на десятки километров) конструкция непрерывно колыхалась, по ней пробегали сложные волны в разных направлениях, в некоторых точках они накладывались, в некоторых гасили друг друга. Насколько я разобрал, это были специальные передающие станции, излучающие в космос специальные сигналы, чтобы корабли, подобные тому, на котором меня везли, знали, в каком месте и когда собираться и что делать с пространством, что - я не разобрал.
Сначала меня удивляло, что я нигде не вижу никого живого. о потом я вспомнил, что пришельцы располагаются сразу во многих измерениях, больше, чем мы, и поэтому увидеть их я просто не в состоянии. К тому же их база работала совершенно автоматически и не нуждалась в присутствии на ней еще кого-то. Мы пробыли на ней относительно недолго, всех целей пребывания там я не понял, и отправились дальше.
Я не знаю, но думаю, что меня специально усыпили на время перелета до первой планеты. Я также обратил внимание, что не ем уже долгое время и совершенно не хочу есть. Кстати говоря, я вообще за все время нашего путешествия ни разу не вспомнил о еде. Как бы там ни было, мы очень скоро, как мне показалось, прибыли на первую из планет, составлявших цель нашей поездки.
Название планеты было что-то вроде Пиръомма, но я не уверен, что это - название планеты полностью, так как пришельцы объяснили мне, что часть его произносится также и в части спектра звуковых колебаний, недоступных нашему уху, и потому нашими буквами просто не может быть передано. Как я понял, от основного корабля отделилась часть, в которой находился я, и мы спустились на планету Пиръомма, тогда как остальной корабль продолжал наблюдать за нами из космоса.
Я не получил ответа на вопрос, почему они не сели на планету, как на Земле, но как раз поэтому я заключил, что здесь причины скорее политические (если говорить нашими словами), чем технические. У меня вообще возникло предположение, и оно было подтверждено, что технических проблем для этих пришельцев просто не существует, за исключением заведомо неразрешимых (например, разместить больший шар внутри меньшего). У них разработана какая-то непонятная мне технология получения любого технического аппарата. не сборкой, как на Земле, а выращиванием по определенной программе из универсального зародыша: что это за зародыш, откуда берется он и программа, я не разобрался совершенно.
Короче, мы опустились на планету. Я понимал, что ничего плохого мне никто не сделает, но все-таки волновался, потому что не понимал, зачем понадобилось мое похищение и везти меня сюда. Одна стена моей комнаты стала прозрачной. Я увидел, что нахожусь в центре огромного зала. Поскольку вид мне открывался только в одну сторону, судить о его полных размерах я не мог, но я видел, сколько мог, что высокий свод его везде простирается до горизонта без каких-либо опор. Он

был странного и неприятного для моих глаз серо-фиолетового цвета, и на этом фоне вдруг вспыхивали яркие, даже ослепляющие вспышки. Пол был яркого зеленого цвета, что напомнило мне футбольное поле, но это была не трава, а гладкое покрытие, как зеркальное, но ничего не отражавшее.
Я ничего не мог понять. Внезапно у меня возникло такое ощущение, словно меня всего и особенно мой головной мозг одновременно пронзили тысячи игл, но без боли. Я ощущал, как эти иглы идут сквозь меня во всех направлениях, сверху, снизу, сзади и с боков. Самым ужасным было то, что я не мог шелохнуться. Я не мог не только сойти с места, на котором меня застигло это ощущение, но и даже пошевелить рукой, даже пальцем, даже глазами повести из стороны в сторону. Мне показалось, что так продолжалось страшно долго, хотя, может, всего-то это длилось несколько секунд, не знаю. Потом внезапно все это кончилось. Иглы словно все разом из меня выдернули, и это произошло так неожиданно, что я чуть было не повалился на пол, но удержался на ногах. Внезапно перед иллюминатором или окном моей комнаты в каком-то скоростном хороводе завертелись геометрические тела самых невероятных форм и цветов. Единственное, что я успел заметить, - что повторений было очень мало или почти не было. Я вдруг понял, что это и есть обитатели планеты Пиръомма, захотевшие увидеть меня лично. Хоровод продолжался долго, я думаю, полчаса, не меньше, и под конец от их мелькания мне уже просто стало дурно. Наконец поток стал заметно редеть и под конец совершенно иссяк. Я понял, что сеанс свидания окончен. И действительно, стена комнаты почти мгновенно вновь сделалась непрозрачной, меня чуть тряхнуло, и я понял, что мое пребывание на планете Пиръомма исчерпано. Меня вернули на корабль.
Здесь начался самый мучительный период моего путешествия. Мне сказали, что если погружать меня в сон, то это искажает картину исследований, из чего я понял, что исследования все-таки продолжаются. Невозможно представить себе, что я испытал, находясь в своей замкнутой комнате неведомо сколько времени, пока они несли меня в неизвестном мне направлении. Я, кажется, засыпал, потом опять просыпался, и не знаю теперь, тянулось ли все сутки по земному времени, неделю, месяц или год. Когда я бодрствовал, единственным моим занятием могло быть блуждание внутри моей комнаты по кораблю, хотя я сейчас не уверен, сдвигался ли я действительно при этом с места хоть на сантиметр. о я старался делать это, просто чтобы не спятить. Наконец через бесчисленное количество дней мы направились к планете с названием вполне земным: Дорра.
Про Дорру я узнал очень много, гораздо больше, чем про планету Пиръомма. Дорра вращалась в системе двойной звезды и поэтому условия жизни на ней были чрезвычайно суровые в том смысле, что ее поверхность то опустошали ураганы, то землетрясения с гигантскими наводнениями или другие подобные катаклизмы, вызванные воздействием двойной звезды. Обитателей Дорры было поэтому довольно мало - несколько миллионов на планете размером примерно с нашу Венеру. Но они как бы в компенсацию создали цивилизацию чрезвычайно высокого уровня. Напоминали дорряне большие мотки веревки, но, конечно, это была лишь форма, выработанная веками и тысячелетиями борьбы за существование. Дорряне представляли собой мощный комок жилистых мышечных тканей, в глубине которой запрятан чрезвычайно высоко развитый мозг. Этот "моток веревок способен был выпустить из себя до двух десятков различных специализированных конечностей. Покрытые специальным водоотталкивающим материалом, вырабатываемым на фабриках из непонятного мне сырья, дорряне, казалось, совершенно не обращают внимания на дикий климат их планеты.
В целях заботы о моей безопасности я был помещен в прозрачный куб из сверхпрочного материала. К счастью, обошлось без мучительных процедур: аппаратура, которой располагали дорряне, по счастью, совершенно не годилась для человеческого организма. Пришельцы (я продолжал их так называть про себя, хотя ясно было, что здесь это уже не годится) поделились с доррянами

результатами своих обследований и обследований, полученных на Пиръомме. Я, кажется, начинал догадываться о цели всех этих долгих осмотров. Я помещался в центре большого подземного, как мне показалось, сооружения, все стены которого были покрыты мелкими "защипами" сверху донизу - очевидно, на Дорре это считалось красивым или удобным. Мимо меня перемещались дорряне, одетые в разноцветные оболочки (рука не поворачивается назвать это платьями или одеждой) от черного до белоснежного и всех цветов. Свет лился откуда-то из щелей в потолке. Пока это продолжалось, я понял, что, видимо, все, к кому меня уже свозили пришельцы и к кому задумали еще везти, как-то интересовались человеком, его устройством и мыслями (а я не сомневался, что и мысли мои как-то просвечиваются). Очевидно, думал я, меня захватили с целью показать им. о ради чего и почему именно меня? Ответ на это мне предстояло узнать позже.
Сидя в своем стеклянном ящике, я вдруг почувствовал, как пол под ногами задрожал: начиналось землетрясение. о служба прогноза, прекрасно поставленная у доррян, предупредила о нем заблаговременно как о слабом. Я мог только гадать о силе их сильных землетрясений, если слабое заставило меня сесть на пол: устоять на ногах я не мог.
Меня быстро вернули на корабль. Моя догадка меня очень беспокоила, потому что я не знал, с какой целью они меня изучают. Если это было обыкновенное научное любопытство, то я не возражал. Но я боялся, тем более, что мне никто ничего так и не объяснил, что за этим стоит нечто большее. Может быть, для Земли есть во всем этом какая-то опасность? Я не знал.
Когда меня в тот раз вернули на корабль, наверно, был момент, когда у пришельцев что-то испортилось, или не знаю что, но стена моей кабины на секунду или две стала вдруг прозрачной, но явно в неподходящий момент. Я увидел, как моя кабина несется мимо переплетенных стволов-труб разного цвета - желтого, коричневого и еще какого-то, который я не успел разобрать, не то коричневого, не то оранжевого. По этим трубам что-то медленно передвигалось, словно они проталкивали вверх и вниз пищу. Ничего больше я разобрать не успел, картинка исчезла, и понял, что этот вид совершенно не предназначался для моих глаз. Еще один мучительный перелет, в котором я чуть окончательно не спятил. У меня даже мелькнула мысль о самоубийстве, но как? Я не получал пищи, поэтому не мог объявить голодовку. Мне не на чем было повеситься, а об мягкие стены я никогда не смог бы разбить себе голову. Нечем было вскрыть вены: у меня пропало все из карманов, в том числе и перочинный нож. Чувство было ужасное. Но все, как говорится, кончается.
Мы оказались у третьей планеты, составлявшей цель нашего путешествия - она называлась Ак. Снова повторилась та же процедура: моя кабина куда-то движется, одна стена становится прозрачной. Я увидел перед собой бескрайнее море глаз. Во всяком случае, так мне показалось в первую минуту. потом-то я разобрался, что это были никакие не глаза. Так выглядели обитатели Ак: похожие на большие влажные глазные яблоки, вырванные из глазниц, они были покрыты разноцветными створками, напоминавшими не то веки, не то створки раковин устриц. Эти "глаза" находились в специальных углублениях, типа канавок, проложенных вдоль огромной насыпи.
Наконец-то я попал в место, находившееся под открытым небом, а не в закрытом помещении. Я увидел небо, почти такое же голубое, как на земле, но с явным зеленоватым отливом. Какие-то черные предметы, неразличимые с моего места, виднелись в воздухе: я понял, что это особые летательные аппараты.
Я забыл сказать, что стены моей комнаты-кабины совершенно не пропускали никаких звуков, поэтому я не могу судить, было ли снаружи шумно или тихо. Я думаю, что раз там была атмосфера, состав которой я, к сожалению, не запомнил, то, наверно, какой-то шум или хотя бы шелест эти "глаза" должны были издавать.
Пока длилось это разглядывание, я наконец-то узнал о цели наших мотаний по космосу. Поскольку это очень важно, я хочу, чтобы об этом узнали все читатели этого издания.

Сообщество космических народов, к которым принадлежали пришельцы и представители миров, по которым меня возили, решали вопрос о будущих контактах с Землей и землянами. Поскольку у руководителей этих отдельных народов возникли сомнения, да и не все они хорошо представляли, что такое люди и как они выглядят и надо ли с нами поддерживать какие-то отношения, потребовалось срочно как бы предъявить им землянина. Решено было выбрать обыкновенного человека, не занимаясь специальным отбором или чем-то таким. а мою беду, им попался я, хотя мог бы попасться кто угодно другой.
Я не знаю, какими были результаты "осмотра". Не знаю, понравились им мои мысли и я вообще или нет. Поэтому, конечно, я не знаю и о дальнейшем: будет ли продолжение или они решили как-то подождать, повременить с развитием отношений с нами? Мне ничего этого не сказали, и мое космическое путешествие закончилось очень быстро. Сперва моя комната снова оказалась на корабле, а потом я неожиданно оказался в своей машине на Белгородском шоссе. Мотор был выключен, никакого свечения впереди не было.
Но я уверен, что все это не приснилось мне или померещилось. Я просил, обращался и к нашим ученым, и в Москву, чтобы меня как-то исследовали. Может быть, на мне оставалась какая-то пыль или радиация, по которой можно было бы определить, что я действительно побывал в космическом путешествии и не обманываю. Однако мой рассказ никого не заинтересовал.
С уважением, Иван Рыбченко, г. Харьков.